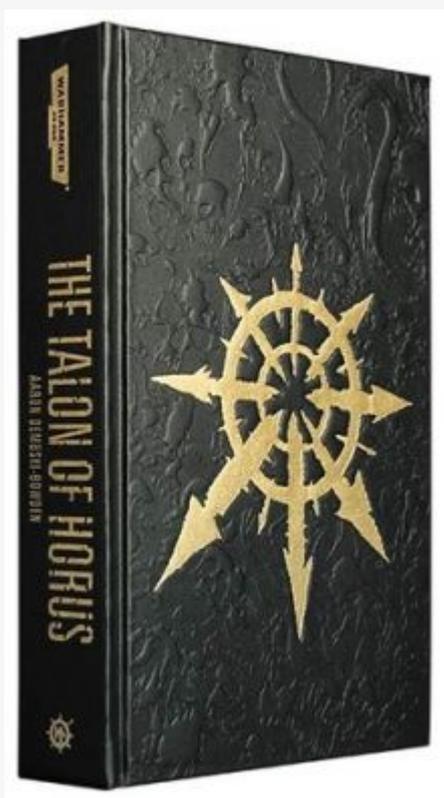

Чудотворец / The Wonderworker (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Чудотворец / The Wonderworker
(рассказ)

Автор	<u>Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden</u>
Переводчик	<u>Brenner</u>
Издательство	Black Library
Серия книг	<u>Чёрный Легион / Black Legion (серия)</u>
Предыдущая книга	<u>Коготь Гора / The Talon of Horus</u>
Следующая книга	<u>Черный Легион / Black Legion</u>
Год издания	<u>2014</u>
Подписаться на обновления	<u>Telegram-канал</u>
Обсудить	<u>Telegram-чат</u>
Скачать	<u>EPUB, FB2, MOBI</u>

I

Только смертные меряют время проходящими годами. Бессмертные, а также те, кто ближе всего подошел к вечной жизни, измеряют поступь времени в моментах и воспоминаниях. Я могу восстановить каждое слово, сказанное мне за мою жизнь, могу вспомнить каждую секунду, проведенную в сражениях на полях боя в этой Галактике, однако измеряю его, вызывая в воображении выразительные воспоминания. В этих важнейших моментах заключена эссенция целых войн – поединок с вражеским военачальником, быть может, или же брат, который пал в бою и уже никогда не встанет вновь.

Таких ключевых точек у меня в достатке. Империиум – та империя, которую я помогал создавать – расправился с тысячами моих братьев с момента объявления Долгой войны. А я сразил сотни его защитников – как достойных, так и нет.

Порой все можно свести к еще более примитивному поэтизму. В прошлом я отмечал течение лет, считая покушения Телемахона на мою жизнь и свои ответные попытки уничтожить его. Впрочем, наши ожесточенные поползновения против друг друга играли в те первые годы малую роль. Наша вражда стала глубже и усугубилась только тогда, когда у нас за спиной оказались армии.

Мысль о том, что сейчас он там, вдали от Терры, командует моим флотом, странно успокаивает. Он странствует подле Магистра войны, пока я нахожусь здесь, ослепленный и изувеченный в плену, и рассказываю эти истории сервитору, который даже никогда не поймет, солгал ли я.

Этой ночью у меня пощипывает кожу от новой боли. Инквизиция не настолько наивна, чтобы думать, будто их мелкие пытки что-то значат для меня, и потому я задаюсь вопросом, зачем они вообще себя ими утруждают. От того, что мою кожу режут сакральными клинками, а кости ломают при помощи священных приспособлений, сказанное мной не изменится ни на слово.

В конце концов, я не в силах изменить правду.

Полагаю, нескольких из них тревожит, что я сдался под стражу имперцев. Они не уничтожили мою армию и не захватили меня в бою. Я прибыл на поверхность Терры в одиночестве, и это остается ударом по их гордости. Неудивительно, если учесть, сколько раз Инквизиция пыталась убить меня в прошлом. Поколение за поколением агентов Инквизиции охотились за мной на протяжении тысячелетий, преследуя меня под бесчисленными именами и титулами. Некоторые даже оказались близки к тому, чтобы прикончить меня. Империиум крайне упорен.

Не всех моих пленителей так легко поймать на приманку. Сироку – в наименьшей степени. Она все чаще и чаще приходит одна, и я гадаю, кто же забирает пергаменты, несущие на себе надиктованные мной слова.

– Что случилось после Гармонии? – спросила она меня.

Как мне на это ответить? Все. После Гармонии случилось все. Война за войной, битва за битвой, союз за союзом и предательство за предательством. Мы выдержали, мы выжили и мы возвысились.

– Но что случилось сперва?

Инквизитор Сирока может быть нетерпеливой.

- Сперва, - говорю я ей, - мы зализывали раны. Часть процесса восстановления привела меня к Харизу Тереноху, Чудотворцу Анзу и Тауматургу Геки. Мы встретились в его крепости.

- И?

- И он сказал мне, что я уже мертв.

II

- Ты не Искандар Хайон, - сказал он мне.

Хариз Теренох был со мной одного роста, а его доспех был выполнен в том же изукрашенном стиле и с такой же символикой. Наиболее заметное отличие состояло в том, что после Рубрики он выкрасил броню между золотой отделкой в насыщенный темно-зеленый цвет, в то время как у меня - несколько месяцев после Гармонии - она до сих пор сохраняла бесцветную серость голого керамика и побитой огнем бронзы. Снова брать кобальтово-синие цвета Тысячи Сынов казалось неправильным, а Абаддон еще не постановил, что мы примем черную раскраску.

- Твои слова создают для меня проблему, - признался я. - Поскольку я действительно Искандар Хайон.

- Хайон погиб при Дрол Хейр.

Я покачал головой.

- Ты не представляешь, насколько я устал об этом слышать, Хариз.

Под шипение сбрасываемого воздушного давления я снял шлем, и мои чувства немедленно заполнил пряный хлористый запах священных масел. От его тронного зала разило пронизанной смертью смоляной вонью очищенных алхимических снадобий. Я не мог даже начать догадываться, какими реагентами пользовался Чудотворец в своем ремесле.

Когда я снял шлем, двое рубрикаторов, стоявших на карауле возле трона из металлической плоти, медленно и невыразительно повернулись, чтобы взглянуть на меня. Если не считать двух этих часовых, мы с Харизом были одни в громадном зале. Я не ощущал никаких отголосков былого присутствия, отпечатавшихся в стенах. Сомнительно, что он принимал здесь много гостей.

Хариз, который и сам был с непокрытой головой и обладал смуглой кожей, столь типичной для многих тизканцев, остался не убежден, даже увидев мое лицо.

- То, что ты носишь лицо Хайона, ничего не значит. Как-то раз я встречал оборотня, который мог принимать форму любого мужчины, женщины или легионера, просто попробовав каплю их крови. Если ты Хайон, как утверждаешь...

- Это так.

- Тогда где твоя адская гончая? А где смертоносная крылатая чужая? - он пренебрежительно указал в мою сторону, и его холодные светло-карие глаза сузились. - Эти создания никогда не отходят от Хайона.

Что я мог сказать? Что мы сражались с клоном, который считал себя убитым Магистром войны Империиума, и он уничтожил физическое тело Гиры? Что обезумевшая от крови тварь, одетая в доспех

Гора, в неистовстве пронеслась через наши ряды и практически убила Нефертари?

- На данный момент, - произнес я, - они обе покинули меня.

- Тогда где же «Глалок»?

- Погиб. Его больше нет.

- А твой драгоценный топор?

- Сломан.

- А где Мехари и Джедхор?

У него был талант беречь свежие раны.

- Я счел благоразумным явиться одному. Предполагалось, что так демонстрируется минимум силы, Хариз. Ты вынуждаешь меня пожалеть о сделанном выборе.

В кожу на лице Чудотворца были вделаны жемчужины, повторявшие контуры его костей. Во рту блестели изумруды, имплантированные в отверстия, которые были просверлены в искусственной слоновой кости зубов. И то, и другое являлось традициями Тизки - обычаями, порой встречавшимися среди богатейших и наиболее уважаемых мастеров моего родного мира.

Мы стояли в зале, соответствовавшим его мрачной и причудливой элегантности. На искривленных стенах виднелась изысканная резьба по бронзе, изображавшая Падение Просперо. Меня восхитила особенно ужасающая сцена, где Магнус Красный отворачивался от неба, с которого падал огненный дождь. Еще никогда его усталое предательство не изображали столь безупречно: существо, обладавшее силой нашего примарха, могло бы дать бой Волкам еще до того, как они вообще совершили бы высадку, однако он предпочел - из неуместного чувства вины - до самого конца прятаться в своей башне и позволить *Einherjar* уничтожить нашу родину.

И в наказание сломленному отцу кровью заплатили его сыновья. Порой я подозревал, что Леор прав. Возможно, Тысяча Сынов была до нелепости сентиментальным легионом, неспособным преодолеть свое прошлое.

- Чему я должен верить? - спросил Хариз, возвращая меня обратно к настоящему. - Я беседую с братом, который погиб при Дрол Хейр, которому нечем подтвердить свою личность и который утверждает, будто его послал ко мне мертвый Верховный Вожак мертвых Сынов Гора, а на высокой орбите над моей крепостью дрейфует давно сгинувший флагман Легионес Астартес. На мою планету явился призрак, посланный другим призраком, странствующим на борту корабля-призрака. Что мне думать, Хайон? Что бы ты сделал на моем месте?

По крайней мере, на это было легко ответить.

- Я бы поверил этому призраку и сделал все, о чем бы он меня попросил.

Повелитель Геки улыбнулся, хотя улыбка не затронула его глаз.

- И с чего же мне так поступать?

- Потому, друг мой, что если ты не подчинишься с готовностью, «Мстительный дух» разорвет эту крепость на части, а я добуду власть над твоими рубриками из твоего умиравшего разума. Однако я

бы предпочел договориться, пока мы не дошли до необходимости прибегать к примитивным угрозам. В твоих талантах есть нужда.

Какое-то время он не отвечал. Хариз Теренох был не таким человеком, которого можно торопить.

- Абаддон действительно жив? - спросил он, наконец.

- Жив. И более того, он владеет оружием, которое сразило Ангела и изувечило Императора.

К подозрительности в его взгляде примешалось нечто энергичное, похожее на лукавство.

- Мне бы хотелось взглянуть на эти клинки собственными глазами.

- Это можно устроить.

Хариз обдумал мои слова.

- Если же я подчинюсь, - сказал он, в конце концов, - что от меня нужно Абаддону?

- Эзекилю не нужно от тебя ничего. Твое мастерство требуется не ему, а мне.

В его темных глазах вспыхнуло любопытство.

- Теперь я знаю, что ты не тот, кем себя называешь. Искандар Хайон никогда бы не смог позволить себе мое искусство.

- Времена меняются, Хариз, - я отстегнул от пояса колоду таро, вытягивая карты из толстого папируса из чехла, сделанного из содранной кожи. На каждой из них виднелась кропотливо выписанная вручную извращенная, демонически-безумная фигура. Я протянул их ему веером, ощутив, как суставы пальцев ревниво напряглись, когда у него перехватило дыхание в горле. На мои чувства начало давить его нахлынувшее желание забрать их любой ценой - маслянистое, жирное, завистливое.

Я вручил ему последнюю карту, находившуюся внизу колоды.

Он принял ее с подобающим почтением, его глаза продолжали светиться. Пальцы перчатки погладили обработанный папирус, следуя вдоль нарисованных на поверхности линий.

- Хайон, - произнес он, теперь уже шепотом. - Так это ты.

Я кивнул и ничего не сказал, зная, что молчание будет говорить за меня. Не могло быть жеста большего доверия, чем дать другому практику Искусства прикоснуться к демоническому инициатору. Позволять ему трогать любую из этих карт - не говоря уж о конкретно этой - было в лучшем случае авантюрой, а в худшем - риском. Колдунам случалось убивать друг друга за куда меньшее.

Убедившись в достаточной мере, Хариз заговорил дальше, водя большим пальцем по деталям изображения демона на пергаменте.

- Только ты бы забрал одного из их волков, чтобы использовать его как свою собственность.

Карта называлась «Охотница». На ее лицевой стороне был изображен сотворенный из дыма и теней волк с мерцающими белыми глазами. Как и на прочих картах, я использовал при рисовании пигменты, представлявшие собой смесь редких реагентов, которые были выбраны за содержащуюся в них силу. В отличие от прочих карт, на этой не было номера, и она не использовалась ни в одном пророческом таро. Часть набора, но, бесспорно, стоящая особняком.

- Гира выбрала себе облик. Я тут не причем.

- Я приношу извинения, что сомневался в тебе, - сказал Хариз, возвращая мне карту. - Зачем ты пришел?

- Мне нужно, чтобы ты выковал для меня новое оружие.

Он кивнул, вне всякого сомнения, и не ожидав меньшего.

- Ты говорил, что твой топор сломался, да?

- Да. Гор Луперкаль разбил его Сокрушителем Миров.

И тогда Хариз Теренох, Тауматург Геки и один из самых знаменитых оружейников, когда-либо рождавшихся в легионе Тысячи Сынов, посмотрел на меня так, словно я заговорил на языке, абсолютно лишенном всякого смысла.

- *Кто* это сделал?

III

Последний раз я наслаждался сомнительным гостеприимством Хариза, когда он отвел меня в святая святых своей крепости. Чем глубже ты заходил в его цитадель, тем глубже заходил в его разум. Каменные и бронзовые стены перешли в сухие красные кораллы, которые сцеплялись и переплетались, образуя скрепляющую структуру. Анзу представлял собой планету с обширными океанами, и Хариз творил свои темные и двусмысленные чудеса под бурлящими волнами. В текучей пустоте за коралловыми стенами пожирали друг друга колоссальные и яростные разумы, ведущие непрекращающуюся войну. Я чувствовал их, но не видел. Они существовали для моего тянущегося сознания, однако для сканеров моего корабля и моих глаз воды снаружи замка из сплетенных кораллов выглядели холодной и безжизненной мглой.

Мир постоянно реагировал на него, как многие демонические миры реагируют на сознание своих хозяев. Буйное воображение Хариза воплощалось в облике бесконечной океанской бойни между зверями, которых не видел никто, кроме него.

Его тайные кузницы располагались на самых глубоких уровнях крепости. Я ожидал, что он предложит мне еще одну возможность пройтись по этим нижним залам, однако ошибся на этот счет. В качестве первого примера того, о чем впоследствии просило бесчисленное множество братьев, он пожелал взглянуть на «Мстительный дух». Не из ностальгии или слащавой симпатии, а чтобы увидеть, как Великое Око преобразило его священные палубы. Я согласился без сопротивления.

Основной ангар был практически пуст, если не считать отключенных десантно-штурмовых кораблей и истребителей, и в нем находились только отдельные группы техноадептов самого низкого ранга с «Тлалока» и их бригады сервиторов. В момент, когда наши подошвы коснулись палубы, я ощутил, как Хариз простирает свои чувства, приняюживаясь в поисках новых впечатлений и выискивая какие-нибудь средоточия психического резонанса.

+ *Будь осторожен*, + предостерег я его.

Он почти сразу же убедился в справедливости этого предупреждения, и резким рывком рухнул обратно

в свой разум.

+ *Так много жизни*, + передал он импульсом. Его безмолвный голос портила подозрительность.

- Как вы набрали экипаж для линкора «Глориана», Хайон?

- Мы не набрали, - отозвался я. - Пока нет. Пойдем, я покажу, что ты чувствуешь.

В лабиринте залов корабля мы наткнулись на хрустальных мертвецов. Они продолжали петь свои беззвучные психические песни, и я не удивился, увидев, что Хариз относится к ним с мрачным почтением, а не разбивает, чтобы понаблюдать за их реакцией. Пальцы его перчаток поглаживали их более охотно, чем это делал я, хотя я и чувствовал, что они интересные ему как порожденный варпом феномен, а не как могильный памятник верному экипажу. Множество очередных наблюдений. Очередной урок о Великом Оке.

Подобная бесстрастность была уместна. И все же, я не был уверен в ее уместности здесь, среди этих статуй. Я приходил почтить их по-своему. Когда-то мне снились волки, теперь же тихие и скорбные песни сотен тысяч мертвых мужчин и женщин успокаивали меня, давая уснуть.

- Они зовут тебя, - произнес он, когда мы миновали несколько тянувшихся к нам фигур из серых кристаллов.

- Знаю, Хариз.

- Они поют твое имя.

- Знаю.

- Хайон, Хайон, Хайон, - тихо проговорил он, повторяя погребальную песнь, которая затрагивала чувства нас обоих. Я дождался, пока он отведет свои мысли обратно внутрь головы.

- Брат, - произнес я, - хочешь посмотреть на Сангвиния?

IV

Ангел Крови стоял на коленях посреди Двора Луперкаля, под висящими знаменами полузабытых воинских лож и союзов между легионами и полками, которые уже давно погрузились в недоверие и враждебность. Здесь, в этом величественном стратегиуме неподалеку от командной палубы, первые из еретиков строили свои схемы на фундаментах ложной уверенности и обмана безумных богов.

Сангвиний пребывал в одиночестве, запечатленный в неподвижной буре противоречий, безупречные линии которой одновременно демонстрировали мощь полубога и слабость смертного. Он стоял на коленях, однако громадные крылья были раскинуты вширь и ввысь. Он умер, убитый Гором, но здесь сохранился невредимым, и на нем не было видно ни следа погубивших его ран.

Контраст был наиболее очевиден в его глазах. Они сузились, отражая муку, но все еще передавали ощущение эмоционального сожаления, сгущавшее и коробившее воздух вокруг кристаллизованной статуи. Серые хрустальные руки примарха были вытянуты вперед, однако не в тоске, как тянулись прочие, а для того, чтобы отвести финальный удар, оборвавший жизнь бессмертного.

Эта деталь казалась мне фальшивой. Ангел Крови умер здесь на коленях, повергнутый и сраженный Первым и Ложным Магистром войны. Но я не мог представить, чтобы Сангвиний молил о пощаде или принял столь жалкую позу, когда клинок, наконец, обрушился вниз. Память «Мстительного духа» и моей сестры, ныне воплощавшей его сознание, была столь же ожесточенной и пристрастной, как и у всех воинов легионов.

Хариз снова и снова неторопливо обходил коленопреклоненное изваяние по кругу, поглаживая кончиками пальцев безупречно выполненные черты крыльев Архангела и отдельных прядей волос примарха. Я услышал, как мой брат сглотнул, и почувствовал, насколько ему трудно подобрать слова.

+ *Он совершенен*, + передал он мне импульсом. + *Самое изысканное эхо смерти, какое я когда-либо видел.* +

- Я часто прихожу сюда медитировать, - признался я.

- А где же Гор?

Я не раз задавал себе этот же вопрос. Мы с Ашур-Каем провели много долгих часов, выискивая хоть какие-нибудь следы наследия Первого Примарха. Мы пришли к уникальному выводу.

- «Мстительный дух» помнит всех, кто умер на его палубах. Всех, кто испустил в этих залах свой последний вздох, почтили таким образом.

- Тогда Гор должен быть здесь, - заметил Хариз.

- Я тоже так думал, однако Император не убил Гора. Император уничтожил его. Первичная материя его тела была уничтожена, а душа - удалена из реальности.

- Изгнана?

- Изгнание подразумевает существование где-то в ином месте. Она была... стерта. Вырвана из бытия и разделена на части до полного отсутствия. Его смерть не оставила никакого отголоска, который мог бы запомнить корабль, - я указал на коленопреклоненного Ангела. - Так что здесь только Сангвиний, стоящий на коленях перед разбитым тронном Гора.

Какое-то время мы с братом хранили молчание. Дружеское молчание - я давал ему время впитать в себя все то, что уже становилось для меня рутиной. Месяцем раньше, увидев это страдание умирающего полубога, увековеченное в сером пси-хрустале, я перестал дышать и лишился дара речи. Теперь же это был просто мой дом.

- Ты увидел достаточно? - тактично поинтересовался я.

- Хайон, я - Тауматург. Творец чудес. Мне никогда не было достаточно увиденного и узнанного, однако, если ты желаешь двинуться дальше, я составлю тебе компанию. Какие еще чудеса находятся на борту этого корабля? - теперь, увидев наш звездолет, он вел себя заметно более учтиво. Это также являлось тенденцией, с которой мне предстояло встречаться еще много раз в будущем, когда наши пути пересекались с братьями из других легионов.

- Множество иных. Впрочем, ты еще не дал согласие выковать для меня оружие.

- Тогда я даю согласие здесь и сейчас. Но перед тем, как ковать клинок, понадобится несколько недель, чтобы подстроить компоненты под твою *аниму*, - он провел большим пальцем по своему

инкрутированному жемчугом лицу, и в его темных глазах вновь появилась задумчивость. – Ты принес мне сырье?

Я почувствовал, что улыбаюсь его неожиданному профессионализму. Это, наконец-то, был тот мастер-оружейник, которого я разыскивал.

– Я принес тебе материалы, подобных которым ты никогда не видел раньше, Хариз. Кровь клонированных примархов. Обломки Сокрушителя Миров, булавы Гора Луперкаля. Пепел Царственного, Солнечного Жреца и Воплощения Астрономикона.

Его разум потянулся к моему, испытывая яростную потребность узнать, не солгал ли я. Но я никогда не был лжецом. Каждое сказанное мной слово не являлось ничем иным, кроме как холодной истиной.

– Есть и еще, – посулил я ему. – Хариз, на борту этого корабля находится меч самого Сангвиния. Он лежал рядом с его трупом, когда Гор сразил его. Эзекиль подарил его трем из нас, позволив использовать куски сломанного клинка, как мы сочтем нужным.

Я последним пустил подарок в дело. Телемахон вплавил свою часть в новую серебряную лицевую маску исключительной красоты. Леор с типичным для Пожирателя Миров неизяществом перековал свои фрагменты на сотни мономолекулярных зубьев для арсенала цепного вооружения.

Теперь глаза моего брата светились не только благоговением. В них сверкала алчность, бесстыдная жадность. Коль скоро я давал ему для создания нового клинка такие материалы, то цена, несомненно, должна была стать столь же великой.

Если мне будет позволено немного поразмышлять, то, насколько я понимаю, фрагменты меча лорда Рогала Дорна были использованы при создании Меча Верховных Маршалов – реликвии, которой до сих пор дорожат в Империи в это последнее, темное тысячелетие. Точно так же Телемахон хранил свой лицевой щиток на протяжении тысяч лет.

И напротив, многие фрагменты клинка лорда Сангвиния пошли на зубья цепного топора, который Леор потерял в болоте менее чем через десять лет после создания. Не все из нас одинаково обращаются с легендами.

– Если это должно быть силовое оружие, – заметил Хариз, – возникает вопрос о психически резонирующих материалах, необходимых для создания генератора силового поля.

Тауматург угадал мое намерение. Он уже поворачивался к невероятной, сотворенной страданием статуе Сангвиния, когда я расколол ее внезапным телекинетическим импульсом. Комнату осыпало дождем зазубренных ножей из серого стекла, лязгающих о дюралевый пол.

В звенящей тишине я услышал вопль Сангвиния. Это тоже казалось фальшивым. Прихоть варпа? Заблуждения одержимого призраками корабля? В любом случае, это было неважно. Я указал на покров разбитых кристаллов.

– Используй их.

V

Я наблюдал за его работой в литейных на борту «Мстительного духа». В воздухе между мной и Харизом

повисло великое множество не произнесенных вслух слов. Я немного рассказал ему о своем странствии за Огненный Вал, а он, в свою очередь, поведал немного о том, какие группировки прибегали к его услугам. Он считал меня скрытным и неприятным. Я считал его наивным до глупости. С моей точки зрения, ему повезло, что его не поймала и не поработила какая-нибудь группировка, желающая использовать его в качестве домашнего оружейника.

Хариз представлял собой редчайшее явление: подлинного наемника, предоставляющего свое мастерство любому военачальнику, который способен уплатить названную им цену. Часть работы вызывала у него стыд, в этом я был уверен. От его ауры периодически исходили такие волны, когда разговор становился слишком личным. В подобные моменты он умолкал и больше ничего не говорил. Я не видел пользы в том, чтобы давить на него.

Мы были братьями, но не близкими - возвращенными на одном и том же, однако рожденными в разных культурных кастах. Его корни были насыщены декадентством и гедонистической непринужденностью класса зажиточных мастеров-ремесленников. Я же происходил из более философических, созерцающих небо слоев общества.

Писания Старой Земли - былой Терры - повествуют нам о трех столпах ее примитивных сообществ: Трудящихся, Молящихся и Ведущих. Крестьяне, жрецы и князя.

Тизка была похожа, но без варварской претенциозности. Наш кодекс гласил: «*Ixacalla teotich asta hisuan*», что означало: «Все равны под сияющим солнцем». Взаимодействие между кастами было разрешено и даже поощрялось.

В Тысяче Сынов Хариз стал одним из лучших мастеров-кузнецов легиона, сплетая колдовство с искусством железодела в свой собственный путь Искусства. Он стремился к психическому мастерству не ради знания, войны или власти, а чтобы использовать его в своем ремесле. Меня восхищала его практичность, хотя я и признавал, что ему повезло избежать Рубрики. Когда безрассудство Аримана опустошило легион и убило тех, кто обладал наиболее слабым шестым чувством, я ожидал, что Хариз и подобные ему закончат свою жизнь в числе пепельных мертвецов.

В процессековки оружия он использовал мою кровь. Он использовал мое дыхание, мои эмоции и мои воспоминания. Клинок был настроен на меня, на мою душу, еще до того, как я вообще прикоснулся к нему. Ему была придана идеальная форма под мою руку еще до того, как мои пальцы сомкнулись на его рукояти.

Хариз ни разу не спросил, какое оружие я хочу, равно как и о деталях касательно его веса и формы. Его мастерство состояло в том, чтобы выковать оружие, соответствующее нуждам владельца и соединенное с душой хозяина. В этом заключался его дар, его чутье. Он не потакал прихотям военачальников, которые требовали декоративных завитков и особых демонов, заключенных в нечестивое железо. Заказчики приносили ему материалы и не вмешивались в решения мастера. Доверие к вердикту представляло собой не просто один из аспектов его ремесла - оно являлось началом и концом.

- Подержи это, - велел он мне в какой-то момент.

Насколько я знал, он не спал уже шесть дней, когда вылил в мои перчатки расплавленный оранжевый металл. Казалось, будто держишь магму. Перегретая жидкая сталь зашипела, выбрасывая пар, и начала медленно пытаться проесть жароустойчивый керамит моих перчаток, а Хариз с плавной поспешностью отсоединил их, рассверлил при помощи своих кузнечных инструментов, а затем бросил в пламя горна вместе с расплавленной жижей, которую попросил меня подержать.

Спустя несколько ночей он втиснул мне в рот черный кусочек-осколок. Тот сразу же порезал язык, и рот наполнил пряный медный привкус моей собственной крови, накладывавшийся поверх послевкусия выжженной земли старых войн.

- Проглоти, - сказал он мне, - а через час вырежи из своего живота при помощи твоей же *джамдхары*. Возвращайся ко мне, пока на нем не успела высохнуть твоя кровь и внутренние соки.

Я выполнил первое распоряжение. Спустя час я выполнил второе и, держа это на ладони, узнал, что он скормил мне фрагмент шипастого навершия Сокрушителя Миров. Сразу же после этого откровения я выполнил и третью просьбу Хариза. Тот без каких-либо комментариев принял от меня осколок и вколотил его в комковатую массу бесформенного металла. Наковальня, которую он поднял с Анзу, представляла собой блок из темного железа, который имел форму раненого и лишённого крыльев дракона. Казалось, будто при каждом ударе молот Тауматурга вновь раскалывает голову зверя.

Когда оружие уже близилось к завершению, к нам на несколько ночей присоединился Токугра, фамильяр Ашур-Кая. Ворон садился на горгулий, которые тянулись вдоль стен кузницы примарис, храня благословенное молчание и придерживая свои каркающие пророчества при себе. Было похоже, что Хариз его вообще не замечает. Я подозревал, что Токугра присутствует здесь не из собственного интереса, а в роли глаз Ашур-Кая.

В последнюю ночь в просторную кузницу неслышно вошла просперская рысь. Она огляделась по сторонам с незаинтересованным видом и ленивым, кошачьим самомнением, и свет пламени превратил ее белые глаза в янтарные самоцветы.

+ *Вонь машин и фальшивый огонь*, + передал мне зверь. + *Давай поохотимся вместо того, чтобы наблюдать, как трудится чудесник.* +

Хариз услышал - при праздном требовании рыси он поднял глаза. Молот смолк, и он повернулся к источнику беззвучных слов.

- Гира? - спросил он огромную кошку. Я ощутил, как он протягивает к зверю свои чувства. Его шестое чувство было существенно слабее моего. Я понял это в тот момент - его чувства казались практически немощными, словно детские руки, неспособные удержать что-либо.

Если заниматься сравнениями, то название просперских рысей неточно. Архивные свидетельства указывают, что корневой вид с Древней Терры представлял собой небольшое создание, какого-то падальщика, который, в лучшем случае, охотился на паразитических грызунов. Рыси моего родного мира были ближе по размеру к терранским лошадям и, как и большая часть фауны Просперо, обладали едва заметными психическими способностями. В наибольшей степени они похожи на терранского кота-тигра, или *тигра*, хотя даже те в сравнении с ними выглядят мелкими и слабыми. У этой рыси была черная шерсть с темно-серыми полосами на боках. Она кралась, как убийца, и лениво бродила с место на место, словно довольная королева.

- Гира? - снова спросил Хариз. Рысь зевнула, исключительно демонстративно, и облизнула свои сабельные клыки.

+ *Тогда я поохочусь без тебя*, + передала она мне.

+ *Мы здесь почти закончили.* +

Разум кошки отразил ко мне мои же слова - это психический эквивалент того, что ты слишком отвлечен,

чтобы обращать внимание. Не делая более никаких подтверждений, рысь бесшумно покинула кузнечный зал, остановившись только для того, чтобы зарычать на ворона Ашур-Кая. Токугра зашуршал перьями и перепрыгнул на горгуюлю повыше.

Хариз обернулся ко мне, все еще держа молот в руке.

- Это была просперская рысь.

- Да. Была.

- Я думал, что они вымерли.

- Вымерли.

- Это была Гира?

Я сделал жест в направлении металла, остывающего на наковальне.

- Продолжай работать, Тауматург.

VI

Мастера-ремесленники имеют обыкновение отмечать свою работу. Имя в уголке картины, туш в конце песни, отпечаток у подножия статуи - что-нибудь и где-нибудь, отмечающее принадлежность произведения искусства его создателю. Оружейники - не исключение. Существует множество историй о кузнецах, которые, когда приходит время остудить клинок, добавляют в закалочную воду каплю собственной крови.

Хариз отдавал больше, чем каплю крови. Он отдавал часть себя, налагая на создаваемое им оружие свою ауру и чувства, вкладывая в него собственную гордость и могущество. Всего лишь малейшее прикосновение души, однако этого было бы достаточно, чтобы выделить его клинки, даже в том случае, если бы мастерство полностью не выдавало его гений. Держать созданное Харизом оружие означало знать, что человек полностью посвятил свое сердце его безупречности.

Он вручил его мне без церемоний - протянув, пока оно еще исходило паром от последнего поцелуя остужающей и запятнанной кровью воды.

Меч. Я десятки лет пользовался топором, но он изготовил для меня меч. Я не почувствовал никакого раздражения. Я понял, что это мой клинок, еще до того, как взял его, а в миг, когда мои пальцы сомкнулись на рукояти, я понял, что никогда больше не получу в свое распоряжение оружия, настолько же полностью, абсолютно моего. Саэри являлся ценнейшим моим оружием из-за того, что воплощал собой. Меч же, который для меня выковал Хариз, безоговорочно являлся лучшим.

Длинный клинок был серебристым, его обильно покрывали вытравленные кислотой тизканские руны, образующие спирали мантр и мандал. Рукоять из темного металла имела выемки под мою руку и была удобнее, чем просто удобна. Когда воины утверждают, что их оружие - продолжение их самих, они говорят о привычке и тренировке. Меч-ибис - клинок, который мне ни разу не доводилось держать прежде - продолжал мой разум и мою силу так же надежно, как продолжал руку. Питаемые кристаллами генераторы в рукоятке пробудились от моего прикосновения, и он загудел, вибрируя инфразвуком. Камень на хвостовике представлял собой психически обработанный самородок янтаря,

изображавший рычащую звериную морду. Животное имело химерическую природу – одна половина морды принадлежала воющему фенрийскому волку, другая же – щерящейся просперской рыси. Каким-то образом это выглядело естественным – Хариз изготовил части головы так, что они безупречно сливались воедино.

Я чувствовал вес меча в руках – не его физическую массу, а важность и значимость. Список мистических материалов, использованных при его создании, слишком длинный, чтобы приводить его здесь, однако наиболее очевидные компоненты нельзя оставлять без внимания. Это был меч, выкованный из фрагментов оружия двух примархов.

Он еще ни разу не наносил рану и не забирал жизнь, однако пульсировал, нашептывая угрозы и суля смерть. Как же он запоет, десять тысяч лет омываясь ихором и кровью?

Не помню, насколько долго я пробыл в забытьи в ту ночь, просто глядя на образец совершенства, изготовленный для меня моим братом. Знаю лишь, что меня вернул обратно из грез его голос.

– Хайон, – произнес он уже не в первый раз.

Я посмотрел на него, впервые сознавая, что благодарность может достигать таких высот пылкости, что слова не в силах передать ее должным образом. Вместо того, чтобы говорить, я передал от своего сердца к его чистой, не отфильтрованную признательность. Это было психическое давление такой силы, что он отшатнулся на два шага, прежде чем успел оправиться.

– Твое удовлетворение, в свою очередь, доставляет мне удовольствие, – сказал он. – Ты знаешь, чего я хочу в качестве оплаты.

Я знал. Знал с того момента, как он прибыл на борт.

– Мы подозревали, что ты попросишь об этом. Эзекиль уже дал свое согласие. Ты станешь одним из нас сразу, как пожелаешь, Хариз.

Перед тем, как ответить, он перевел взгляд на мою броню – на бесцветный боевой доспех, который я носил.

– К кому я присоединяюсь, Хайон? Кто вы?

– Мы еще не знаем, – я баякал меч в руках, все еще плененный его великолепием. – Но мы направляемся к остаткам Луперкалиоса, чтобы это выяснить. Если последние из Сынов Гора не подставят горло и не поклянутся нам в верности, то умрут так же, как и прочие.

В тот миг наши глаза встретились. Этот простой контакт разрушил всякое притворство и обман. Меч не являлся услугой мне. Это был тест для него – испытание, достоин ли он того, чтобы пойти с нами. Никто из нас не говорил так, однако мы оба знали об этом все время.

– Хайон, что бы ты со мной сделал, если бы я не справился?

Как я уже много раз говорил Тоту и Сироке, я не одарен языком лжеца. Так что я вновь сказал лишь правду.

– Я бы тебя выпотрошил, отдал твою голову Эзекилю и забрал твоих рубрикаторов, привязав их к себе.

Контакт глаз продолжался.

- Ты все еще намереваешься взять моих рубрикаторов, - это был не вопрос.

- Да. Как бы ни назывался этот новый легион, я стану господином его пепельных мертвецов.

Когда обмен взглядами, наконец, завершился, его нарушил Хариз. Он опустился передо мной на одно колено, склонив голову и приложив руку к сердцу.

В тот момент он стал первым воином Черного Легиона, преклонившим передо мной колени как перед своим военачальником.

- Мой повелитель, - произнес он.

На задворках сознания я ощутил присутствие Абаддона и его гордость. Он видел все, происходящее на борту «Мстительного духа». Никто из нас не знал, каким образом.

Начинается, Хайон. Начинается.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чудотворец/_The_Wonderworker_\(рассказ\)&oldid=18481](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чудотворец/_The_Wonderworker_(рассказ)&oldid=18481)

Эта страница в последний раз была отредактирована 2 февраля 2022 в 10:21.